

18+

У МЕНЯ РОМАН С

ПО СЛЕДАМ АНГЛИИ

Сообщество авторов

Валерий Осипов

**По следам Англии.
Сообщество авторов**

«Издательские решения»

Осипов В.

По следам Англии. Сообщество авторов / В. Осипов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517974-6

Удивительное приключение в стиле Холмса, Пуаро и мисс Марпл вместе взятых. Необъятный нонсенс Льюиса Кэрролла, страшные истории в лучших традициях английского мистицизма. Окунулись с головой в закулисную историю курьезных случаев выдающихся музыкантов современности, групп Queen и The Beatles, лишний раз подчеркнув, что создавать произведения можно на любую тему. И, наконец, завершили наше путешествие сочетанием и противопоставлением сюжетных моделей Робина Гуда и Гарри Поттера.

ISBN 978-5-00-517974-6

© Осипов В.
© Издательские решения

Содержание

МОЛОКО С НЕЗАБУДКАМИ	6
Валерий Осипов	6
ЧАСЫ И ДРОТИК	8
Марина Тагирова	8
БЕЗУМИЕ	10
Марина Тагирова	10
КОРОТКАЯ СКАЗКА О ЛЕСНЫХ ПОЭТАХ	15
Марина Тагирова	15
Queen of our souls	17
Ян Кириллов, Марина Тагирова	17
КОЛДОВСКОЙ ПОТЕНЦИАЛ	19
Марина Тагирова	19
МЕТКА	27
Зыбин Илья	27
ЗАГОНЩИК ИЗ ДУБЛИНА	32
Калашник Максим	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

По следам Англии

Сообщество авторов

Редактор Валерий Осипов

Иллюстратор Олеся Осипова

© Олеся Осипова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-7974-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЛОКО С НЕЗАБУДКАМИ

Валерий Осипов

«Если в мире все бессмысленно, что мешает выдумать какой-то смысл.»

– Глем, уже половина девятого утра, вставай. И не забудь сходить за молоком. – Послышался мамин голос из комнаты. Сама мама в это время весело пекла на кухне пончики, а голос с важным видом прохаживался по комнатам и покрикивал то на Глем, то на её брата Марка.

Вот странное дело. Пончик, он вроде бы полный, а сам, как бублик, с дыркой внутри. Интересно, а что будет, если собрать все дырки от пончиков в одном месте? Пролезет ли в них синий кит? А чьи дырки больше, у бубликов или у пончиков? Эти вопросы клубились в голове Глем, но, чтобы не терять времени даром, она ловко поймала эти клубки, отмотала нитки нужной длины и с улыбкой, радуясь новым шнуркам, ответила:

– Не переживай, мама, мои незабудки уже расцвели. Девочкам так нравятся голубые незабудки.

Она вскочила с кровати, быстро натянула колготки, юбку, кофту. На улице было солнечно. Пробираясь через крону абрикоса, растущего под окнами, солнце отправило в комнату отряд солнечных зайчиков. Зайчики весёлой гурьбой прыгали по креслу и тумбочке. Совершенно не стесняясь ни Глем, ни маминого голоса, который украдкой заглянул в спальню и было собрался опять начать заунывную побудительную песню, да, увидел, что Глем встала, отстал.

– Марк, прогони зайцев, они съедят опять все незабудки, и тогда я точно забуду куда пошла, – крикнула сестра своему младшему брату, который делал вид, что еще дремлет на кровати.

Мамин голос воодушевился от услышанного и завёл свою привычную пластику:

– Марк, вставай, и не забудь прогнать зайцев, – затвердил он, словно заведённый. «Хоть какая-то польза от маминого голоса», – подумала Глем.

Забегала на кухню, поцеловала маму, схватила бидончик под молоко и выбежала на улицу.

– Глем, ты забыла незабудки! – крикнул Марк из комнаты, но Глем уже шла по улице.

До ближайшего молочного берега с киоском нужно было пройти через квартал пекарей. Пекари вечно тархтели на своих мотоциклах, завозя свежий хлеб из пекарен. Мотоциклетные выхлопы хлопали, пекари хлопотали, хлопки превращались в хлопок, что белыми облачками поднимался в небо. И чем больше было облачков, тем гуще становилось небо. Потом оно проливалось вкусным молочным киселём в реку, река пенилась, а пена сбивалась у края реки. Тут-то и собирали молоко.

Глем шла в припрыжку, позвякивая бидоном. На встречу ей шла тётушка Фиш. В руках она держала корзинку полную раков, которые насвистывали незамысловатый мотив, и, по всей видимости, направлялась в рыбный ресторанчик на горе, для которого её муж каждый день отлавливал членистоногих.

– Доброе утро, тётушка Фиш, как хорошо и дружно поют ваши раки, – сказала Глем.

– Здравствуй Глем, спасибо, они очень талантливы, а куда ты спешишь? – поздоровалась в ответ тётушка.

– Мне точно надо на ту сторону Байкер-стрит, – ответила Глем, чувствуя, что ей точно туда надо, но вот зачем...

На Байкер-стрит, байкеры-пекари развозили хлеб. Глем прошмыгивала между спящих туда-сюда мотоциклов с противнями, наполненных сдобными булками, пончиками, бубликами. Иногда дырки от бубликов падали на мостовую, кучковались с дырками от пончиков,

которые дома пекла мама, и создавали большие выбоины, через которые приходилось перепрыгивать.

Глем хлопала ресницами, наблюдая как хлопок вылетал из выхлопных труб байкеров и кучковался в небе, превращаясь в большие облака. Белые, словно сметана. Когда тучи становились слишком тучными они начинали рыдать навзрыд, проливая молоко на молочную реку. Глем с грустью смотрела на этот белый дождик, и никак не могла взять в толк, зачем она пришла на улицу пекарей с бидоном.

Солнце скрылось за скучными тучами. Глем села на лавочку и заплакала. Уже хотелось кушать. Марк наверняка уже съел все пончики, что испекла мама. А солнечные зайчики набедокурили в комнате.

Рядом с Глем остановился суровый байкер-пекарь, что вёз целый противень ржаного хлеба.

– Почему ты плачешь, девочка? – пробасил он на электро-басу.

– Я забыла куда шла, и уже хочу домой, к маме, – ответила Глем.

– Эх, ты, не забывай, – ответил байкер-пекарь, протягивая ей голубые незабудки, – давай я отвезу тебя домой.

– Ой, незабудки, мне же надо за молоком! – обрадовалась Глем, – а вы отвезёте меня до молочного берега?

– Отвезу, – пробасил он в первой октаве.

Глем ловко устроилась позади него, прячась под большим противнем со ржаным хлебом от начинающегося парного молочного дождика.

(Baker – пекарь (англ.), Biker – мотоциклист (англ.), Glemson – забывчивая (датск.)

ЧАСЫ И ДРОТИК

Марина Тагирова

«Время очень не любит, когда его убивают» – Льюис Кэрролл

Кир и Кира играли в дартс. Скучно было им. Они чего-то ждали и убивали время.

– Жвачка упала, – сказала Кира.

– Потому что я попадаю в центр, – гордился Кир.

Девочка запрыгнула на мягкий стульчик. Он слегка качнулся, и красные банты в русых волосах качнулись в такт, вместо минутной стрелки, которая пока остановилась. Кира вытаскивала изо рта жвачку жёлтого цвета, повалила её в пальцах и тщательно приклеила в центр циферблата. Секундная стрелка, которая единственная все ещё двигалась, встала.

Девочка весело спрыгнула со стульчика, подняв многочасовую пыль на паркете, и встала рядом с мальчиком.

– Красиво, – сказал он.

– Моя жвачка в центре времени, – сказала Кира, – а значит, время можно растягивать, как жвачку.

Кир скорчил воинственную гримасу и бросил дротик. Тот с трудом пробивался сквозь остановившийся воздух, но падать на жесткий пол ему не хотелось, поэтому жвачка в центре времени зло чавкнула от грубого удара.

Хлопки в ладоши мальчика сотрясали задремавшие в невесомости, висящие на светильниках секунды. Они осыпались в щели между паркетных досок. Те от такого казуса ежились, чтобы не затруднять движение.

– Ты не в самый центр попал, – сказала Кира, – смотри, – ниже и левее.

– Зато в центр времени, – бахвалился Кир.

– Жаль, что ты сломал доску для дартса, – вздохнула Кира, вытаскивая сопротивляющийся дротик из жвачки, – стекло у часов все в трещинах.

Трещины на циферблате с надеждой сверкнули, и секундная стрелка даже двинулся в сторону цифры 12. Но Кира встала в позицию. Она попадала в центр реже.

– И дротики все растерял, – добавила она и бросила.

На этот раз дротик при всем желании не смог бы дотянуться своим не слишком гибким телом до жвачки, поэтому, виновато стукнувшись о стекло, он с громким криком отчаяния упал на пол и остался смотреть с завистью и изнеможением на утекающие сквозь щели паркета секунды.

Паркет понимающе вздохнул, правда, сухо, ведь время рассыпаться в пыль ему ещё не пришлось.

– Эх ты мазила, – ухмыльнулся Кир и пошёл к дротику.

– Подумаешь. Не корову проигрываю, – девочка скрестила руки на груди.

Кир наклонился, чтобы поднять дротик, и уже протянул к нему, съжившемуся от усталости, руку, как вдруг почувствовал, что шею его щекочет.

Он резко выпрямился, желая успеть поймать Киру за руку. Но девочка стояла на том же месте в тусклом старом свете торшеров с абажуром и круглыми глазами пялилась на стену.

Кир перевел взгляд и увидел, что стекло на часах осыпается мелкими осколками. Он отошёл в сторону. Дротик оттолкнулся от его ноги и закатился в угол за кресло. Там можно переждать стеклопад и избежать истязаний.

– Этим часам двести лет, – прошептала Кира.

– Ты только что убила двести лет, которые мама берегла.

- Отнесу в ремонт, – набычилась девочка, – Подумаешь, стекло.
- Они отстают, – заметил Кир, – давно уже. Лет сто.

Кира фыркнула и полезла на стульчик. Но ей стало больно от осколков. Она обиженно смахнула их на пол. Осколки цеплялись за секунды, падающие в пол, и превращались в песок.

- Возьми веник, – скомандовал Кира, – Надо убрать. Что-то пыльно.
- Вот ещё! Ты девчонка, не я
- Это сэксизм! – девочка пронзила мальчика синим взглядом.

Он отразил удар голубым.

Пока их молнии зигзагами стремились друг к другу сквозь загустевающий от падающих секунд воздух, секундная стрелка обнаружила, что находится на сквозняке. Собственно, и другие стрелки это заметят, но позже. Такая уж эта стрелка, всегда все подмечает и бежит вперёд, чтобы быть в курсе раньше других.

Но сегодня ей почти нечего отсчитывать, она стала сонной. Потому не заметила сквозняка ещё раньше, иначе Кир и Кира ощутили бы недомогание в другое время. Какое именно, трудно сказать, ведь секунды не шли друг за другом, а гурьбой устремлялись вниз.

Жвачка упала, и фонтан пыли и песка раскидал оставшиеся секунды в тёмные углы. Секундная стрелка лениво соскользнула со своего места, так лениво, что чуть не потолстела до часовой. Но куда ей.

- Ой, стрелка отвалилась, пробормотал Кира, – Надо найти.

Стрелки нигде не было видно.

– Закатилась, наверно, под кресло, – сказал Кир и наклонился, чтобы поискать, – Нету – воздух без времени тяжелеет, ему было очень трудно выпрямляться.

- Что с тобой? – спросила Кира, щурясь в поисках, – как все мутно. Ай!

О ее голову стукнулась и крайне медленно от этого рассыпалась минутная стрелка. Все ее части обиженно зазвенели.

Кира схватилась за висок, ее одолела мигрень.

– Ну и вид у тебя, – хрипло смеялся Кир, опираясь коленями о последние секунды, которые ещё не просочились сквозь пол.

- На себя посмотри, – обиженно в ответ, – горбатый, как дед.

– Хорошо быть дедушкой, куда не надо спешить, можно убивать время едой, или сном, или просто ничего неделанием, – сказал Кир и прилёг прямо на потертый в заусенцах паркет, придавив ещё немного песочка.

Кира принялась бурдеть и трогать все руками, потому что не смогла разглядеть глазами. Наконец, она, кряхтя, села в скрипучее кресло, стянула с жидких волос банты и принялась слушать, как дребезжит часовая, самая медленная, но самая сильная, стрелка.

Грохот!

Близнецы одновременно вскочили с пола, моргая сонными глазами.

- О, нет! – вскричал Кира, – она упала... стрелка...

– Что вы тут натворили? – посреди хаоса детской стояла старшая сестра, – и спите на полу среди мусора.

- Мы искали... – Кир потер глаза.

Близнецы не сговариваясь глянули на абсолютно нормальные часы. Парный выдох.

– Опять импровизированный дартс по часам? Займитесь делом. Не убивайте время напрасно!

Через полчаса комната была в идеальном состоянии.

Близнецы стояли под часами и испытывали друг друга взглядами. Наконец, они одновременно медленно сели на корточки и заглянули под кресло. Пусто!

– Это ищите? – старшая сестра стояла посреди комнаты с улыбкой на лице и стрелкой в руке.

БЕЗУМИЕ

Марина Тагирова

За решёткой на жёсткой койке сидел осуждённый на пожизненный срок. Сгорбленный, седоватый человек со стершимся возрастом.

У него за неделю притупился слух, изменилось зрение – полумрак стал роднее солнечного света, чувство голода... когда это было? Когда вообще были чувства? Даже страха не было. Чего бояться человеку уже приговоренному, хоть и всего неделю назад?

Что-то скрипнуло.

*– Спроси меня, мой новый друг. Я тут же
На всё тебе придумаю ответ.
Такая вот игра.*

Человек поднял голову. За прутья решётки держался... да, мужчина с длинными лохматыми космами, серым нахальным лицом и порочным, хоть и мёртвым взглядом. Одет он был на манер 18-го века, но очень истрепанный и грязный. Вот, что делает с людьми тюрьма.

– Ты кто? – едва успел спросить осуждённый.

*– Я тот, кого история отвергла,
Лишь потому, что духом я поэт,
Не коммерсант и, не дай бог, учёный.
А между тем я в чувствах толк познал.
Вернее, я узнал, откуда все они берутся,
Вернее, где их нет...
Так разве ж это преступление?*

Заключённый дернулся, незнакомец попытался подмигнуть.

– Так, преступление это или нет?

– Нет.

*– Я знаю это. Но у тех господ
Велись какие-то дела. И все, чтобы меня
Упрятать в этот Тауэр.
Ведь я не заслужил?*

Он прищурился. Глаза его мертво блеснули. Повеяло сквозняком.

– Полагаю, нет...

– Вот именно, мой друг, ведь я поэт!

*Поэтов должно возвышать на этой грязной, серой массой,
От коей я так много, тем не менее,
Полезных сведений узнал.
Они должны быть благодарны!
Так?*

Длинный нос незнакомца протиснулся между прутьев. Он блестел, будто от пота.

– Может быть...

– Это не ответ, мой друг, точнее!

– Видимо, да.

Заключённый что-то ощутил внутри своего полусонного разума.

*– Тогда меня мог слышать каждый:
На площадях, и в скверах, и в салонах.
А кое-кто и лично, тэт-а-тэт,
Я был последним их услышанным певцом.
Ведь добр я.
Я отпускал их сразу после песен и объятий.
Тебе спую я тоже?*

Незнакомец сотворил жуткую вопросительную гримасу, обнажив черно-бурые сточенные зубы.

– Давай, – пожал плечами заключённый.

В конце концов, этот псих не просочится же сквозь решётку, а другого развлечения все равно нет.

Мужчине даже не пришло в голову, что заключённые не могут одни ходить по коридору, всюду датчики движения. Хотя сейчас коридор на быстро брошенный взгляд показался ему старым.

*– Жила на свете девушка, она не знала, как любить.
Я предложил ей показать любовь. Она
Смеялась. Но со мною в длинный путь
По чувствам собралась.
Я пел ей песни, я играл ей сказки.
Я целовал её уста, глаза и прочее.
Я ей дарил цветы, рассветы и закаты...
Она все это принимала, словно должное.
Потом сказала, глядя прямо мне в глаза,
Что не ко мне, – к другому ее чувства просятся.*

Гость замолк, драматично схватившись за грудь и дыша как-то влажно натужно.

*– Я был почти убит! Я бросился ей в ноги.
Я умолял открыть мне эти чувства.
А там уж сам я с ними разберусь
И в нужное направлю русло.
Она отпрянула, себе вцепившись в грудь,
И будто плачет. Тут-то понял я.
Она в груди запретила все чувства
(Как шлюха прячет деньги)
И держит крепче, чтобы я не отнял!
Ты думаешь, я не способен взять своё?*

Вопрос прозвучал громко, сипло – кость о камень. Лицо незнакомца гулко ударилось о прутья, так что дернулось все его субтильное тело.

Заключенный только и смог кивнуть.

*– Так, да иль нет, скорее отвечай!
Не мог ты разучиться говорить.*

– Да, ... – что-то тут было явно не так, но осуждённый не мог собрать мысли в кучу. Он не мог отвести взгляда от мельтешащей серой физиономии.

*– Я бросился на грудь ее с словами,
Что где угодно в ней добуду чувства.
И вечно будут мне они принадлежать!
Она кричала очень громко, но не долго.
Я разорвал ей грудь, раздвинуть её ребра
И замер, лишь на миг. Сначала
Я подумал, это красное, что все залило мне и ей,
Потом на землю неохотно потекло,
И есть те чувства, что она таила. для другого.
Но я ошибся, потому что не почувствовал тепла в ответ,
Когда губами притянул немного капель.
Одни обида, злорада и досада.
Она уже их отдала, вдруг понял я.
Ведь даже в этой трепетной вещице,
Что из груди достал я,
Была лишь влага красная, чужая.*

Незнакомец резко опустил голову и стукнулся макушкой о прутья, свистяще всхлипнул.

Заключённый вжался в угол.

*– Она лежала молча – белая луна.
Я порывал немного над своей обидой.
Потом потребовал ответа... или извинения.
Готов простить был я, смягчившись после злости.
Но ей со мною не хотелось от чего-то говорить.
Она смотрела в небо безотрывно,*

*Как будто бы желая улететь...
Тогда во мне вскипела ярость дико.
Не должно игнорировать поэта!
Я на лицо ей сыпал оплеухи,
Они звенели, отражаясь от земли.
Я бил её и проклинал все чувства. И над ней
Поклялся, что отыщу в любой другой
Прекраснейшее и светлейшее из них,
И силой заберу себе,
Чтоб пустоту души своей поломанной заполнить.
В душе должно быть чувство?
Отвечай!*

К заключенному обратился яростный взгляд, горящий красноватым, серый рот шумно вбирал воздух

– Конечно, – пролепетал заключённый.

В его голове вскрылась историческая хроника о маньяке-убийце 18-го века. Но этого не могло быть. Его казнили в Тауэре двести лет назад. А он... Где он сам? Все выглядело старым, где-то закапало, везде завоняло тухлым.

Вкрадчивый голос у решётки:

*– Они не поняли меня. Закрыли тут.
Им не известны чувства и искусство.
А я теперь всю правду знаю. Нет
На свете ни в одной груди того, что я искал.
Там только плоть ненужная и влага.
Голова незнакомца опустилась слишком низко.
– Ведь плоть не важная, поэтому её все рубят.
А может быть, они во мне искали тоже?*

Он широко улыбнулся. Снял с плеч за волосы голову одной рукой, а другой залез в образовавшуюся дыру.

Губы на голове зашевелились:

*– Да нет там ничего! Все вынули.
Иль по ветру всё разлетелось, когда бросили меня, вернее, нас
Под стены Тауэра мёрзнуть, становиться прахом.
Но я не успокоюсь! Пока хоть где-то в этом мире
Не отыщу любое, даже маленькое, чувство.
Могу я посмотреть
И у тебя?*

Голос прозвучал очень близко. Заключённый увидел серое в кровавых пятнах лицо прямо перед собой. Тощая рука в широком грязном шёлке тянулась к нему.

*

Говорили, что он не смог смириться с приговором. А он так и не узнал, что камни той злополучной стены частично оказались в основании стен Тюрьмы Ее Величества. То ли хулиганы, то ли шутник. А может, и не люди вовсе.

КОРОТКАЯ СКАЗКА О ЛЕСНЫХ ПОЭТАХ

Марина Тагирова

Заяц надел фрак. Подумал, и надел цилиндр. Так он похож на поэта. На культурного, воспитанного поэта. Нужно ходить размеренной походкой. И заяц пошёл по лесу, подбирая только правильные слова:

– Трава зелёная, дорожка гладкая...

Вдруг задней лапой он ударился о камень.

– Какое недоразумение! – возмутился заяц.

Он встал, отряхнулся и снова пошёл, высоко поднимая задние лапы.

– Сияет солнышко, морковка сладкая... Ай!

Дорогу перебежал мышонок, о которого заяц и споткнулся.

– Мышонок, ну, разве воспитанные звери бросаются под ноги другим воспитанным зверям? – изумился заяц.

Мышонок мигнул и хихикнул, глядя на него.

– Это ты на меня налетел! Не мудрено. С такой-то мордой.

Заяц что-то запричитал о манерах, но все же направился к лужице неподалёку. Из воды на него смотрели два красных глаза.

– Что, все поэты так выглядят? – язвил мышонок за спиной.

– Понимаешь ли, дорогой друг, эта ночь выдалась бессонной, ведь я пытался сочинить поэму. – Заяц мечтательно уставился в небо.

И вдруг понял, что кругом тихо. Мышонок исчез. Наверно, ему стало скучно. Или... Только заяц успел подумать «опасность», как из кустов выпрыгнул волк, скаля зубы.

– Засада! – завопил заяц, пулей оказавшись за толстым деревом, – Не по-волчьи это!

– Сюрприз, – сказал волк радостно, шагая к дереву, – поиграли, хватит.

Волк обогнул дерево.

Пятки зайца сверкали далеко впереди. Волк побежал.

Деревья пролетали мимо, трава колыхалась от ветра, цилиндр зайца давно летел в обратную сторону.

– Ты, волк напрасно, гонишься за мной, – говорил на бегу заяц, – Я ценен для искусства и культуры!

– Не разобьётся сердце у природы, – послышался позади голос волка, – Ведь ты поэт бездарный, дорогой. Зато мясо твоё, я чувую, очень вкусно!

– Помилуй боже, как же это гнусно, – просипел возмущённо заяц, – Нет больше силы убегать. И как я умудрился не упасть?

– Да ты притормози, давай поговорим. Твоей усталости проблему быстро мы решим, – сказав это, волк клацнул зубами.

Но хвост зайца ускользнул в последнюю секунду.

Волк огляделся. Где-то скрипнула ветка, где-то зашуршало гнездо с птенцами. Волк припал к земле носом. Шаг, второй, третий. Глупый заяц, думал волк. Его, волка, не перехитрить и не перепозитить! Волк остановился, и поднял морду, и посмотрел на куст смородины.

Куст посмотрел в ответ бешеными красными глазами. Волк так и сел.

– Сюрприз! – Заяц выпрыгнул из куста с радостной мордой и прутиком в лапах. Размахнулся, и волк растянулся на траве с обалделым взором.

– Мало того, что ты гоняешься за мной, так ещё и стихами говоришь! Так это ты увел этой ночью мою музу!

Заяц грозно возвышался над волком.

Тот улыбнулся, лёжа на траве и даже не пытаясь схватить зайца. Вместо этого он сказал:

– В душе спокойной все спокойно.

В ней музе интереса нет.

Когда огонь в ней и тревожно.,

Тогда рождается поэт.

Ещё замечу я серьёзно,

Что мой желудок так же пуст...

Прутик угодил в мохнатую макушку, аккурат между ушей.

– Спорим, не догонишь!

Queen of our souls

Ян Кириллов, Марина Тагирова

1975 год разделил историю группы Queen на «до» и «после». Грандиозный концерт в Гайд-парке собрал немыслимые, казалось бы, сто пятьдесят тысяч зрителей. Группу настолько полюбили во всём мире, что слава докатилась до маленькой мусульманской страны Шахестан*. Услышав о Queen, семилетний принц Раджа изъявил желание немедленно съездить в Англию, чтобы лично посмотреть концерт. Желание принца – закон. Когда Queen выступали у себя на родине, Раджа посетил концерт. Правда, поскольку билеты покупали в тот же день, достать лучшие места не удалось даже такой влиятельной особе. Пришлось наблюдать изда-лека.

Неделю спустя, разбирая почту, Брайан Мэй обнаружил не простое письмо от очередной фанатки, а конверт с особой гербовой печатью в виде полумесяца. Изысканным языком, хоть и с грамматическими ошибками, разочарованный фанат жаловался на то, что не увидел королеву.

– Что будем делать? – задался вопросом Брайан, когда остальные прочитали письмо.

– Настоящую королеву мы не достанем, – посетовал Роджер.

– У меня есть идея! – вскочил с места Фредди. – Дадим ещё один концерт. Попросим выделить им лучшие места.

– А что с королевой?

– Будет ему королева.

Снова Гайд-парк полон. Поклонники в нетерпеливом ожидании активно общаются и напевают любимыи мелодии.

На этот раз принцу и его свите достались лучшие места. Он тоже ждал с нетерпением. Подумать только, королева, и так близко к народу. Вон ее как любят. Наконец он не вытерпел и спросил:

– Неужели, в самом деле сейчас выйдет королева?

Люди становились совершенно серьёзными, когда отвечали ему.

– Разумеется, а вы что не знали?

– Но я видел на прошлом концерте одних только мужчин!

– И тем не менее, это королева, сэр, – важно отвечал косматый юноша в косухе.

Вдруг огромная толпа на миг затаила дыхание. Барабанщик, басист, гитарист и... человек-орел. Он поднял руку, и зрители загудели «Королева».

Человек-орёл в необъятной белой накидке творил на сцене, что хотел, а огромная толпа начинала петь по мановению его руки.

А потом эти четверо исполнили длинную песнь на множестве языков. Он даже услышал знакомые слова. Британская знать известна своей образованностью.

После выступления принц потребовал аудиенции. На удивление быстро ему дали согласие. Но привели не в Букингемский дворец, а в комнату позади сцены. Вокруг носились люди.

Принц поклонился церемонно и произнес почему-то ошарашенному человеку:

– Ваша власть над народом поистине безгранична. Я приму к сведению ваши методы. Однако, – он выдержал тактическую паузу, – весь мир, должно быть, в изумлении от такой внезапной смены монарха. Ничто не предвещало...

– Почему никто не сказал, что это ребёнок? – не выдержал Роджер.

– Потому что он не указал этого в письме, – ответил Джон Дикон, – очевидно, у них не принято подписываться «Ваш Покорный Слуга, 7 лет».

– Надеюсь из-за нас не рухнет государство – сказал Браян, глядя, как Фредди весело рассказывает парнишке о тонкостях власти над людьми, – они кричали «Королева».

– Лишь бы нас не обрушили каким-нибудь королевским указом за...

Тут за мальчишкой примчались запыхавшиеся слуги, от которых тот отделался.

– Ах, Ваше Высочество, – причитали они, уводя принца, – не хорошо обманывать. Велели нам идти к королеве впереди вас, а сами сбежали. Ай-ай-ай.

– Ай-ай-ай, – эхом отозвались Queen.

Спустя месяц среди почты группы обнаружилось письмо с гербом Ее Величества. Если бы у Роджера не дрожали руки от страха, который в разной степени овладел всеми членами группы, он бы сотворил напряжённую барабанную дробь.

– Сказано, – торжественным тоном начал читать Фредди – «Выражаю вам свою королевскую благодарность. Никогда ещё ни одно государство не рвалось так сильно под нашу опеку».

*Шахестан – название страны вымышленное.

КОЛДОВСКОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Марина Тагирова

В Пэллане цвели зикрахи, мелкие серо-сиреневые цветки о трех лепестках. В другое время это растение просто называли травой. Зикрахи цветут один день. Вчера ещё не было видно ни бутона, а завтра не будет даже опавших лепестков. Такое незаметное растение. Да на него никто и не обращал внимания. Кроме Айзека.

Он сидел на камне поджав ноги, и внимательно смотрел на цветки. Будто они ему что-то скажут. Меж них летала ярко-синяя бабочка, из тех, что любили ловить дети. Айзек всегда их отнимал тайком и выпускал. Сейчас любой подумал бы, что мальчик следит за бабочкой в надежде ее поймать. Но у него, конечно же, не получится, потому что в этом смысле он ужасно неловкий или просто ленится приложить усилия.

Сверстники считали его слабаком во многих вопросах. Правда давно вслух не говорили и почти не дразнили, потому что им доставалось от Дана, старшего на два пэлланских года брата Айзека. В остальном Дан очень добрый и дружелюбный, ему ничего не стоило собрать компанию вокруг себя. Он был на столько добр, что не замечал разницы между собой и братом, несмотря на внешнюю схожесть. Эту разницу видели все, возможно даже сам семилетний Айзек. Но ему, как постепенно выяснилось, было все равно: и на шутки, и на разницу, и на все прочее. Взрослые думают, что интересы детей всегда на поверхности.

– Сегодня я ими займусь, – сказал Джереми.

– Только не вздумай поучать! – потребовала Марта, раскладывая горшочки на полки, – они этого не любят.

Мужчина и женщина, как две капли, похожи друг на друга, белокурые, голубоглазые, улыбчивые, энергичные, кажущиеся совсем юными.

– «Они»? По-моему, Айзеку все равно, – развеселился Джереми.

– И все равно они этого не любят, дорогой братец!

В дом вошёл высокий широкоплечий Виктор, за ним вбежал, его точная копия, Дан.

– Приветствую хозяина, – Джереми сразу стал саркастичным, он поднялся с невысокого деревянного табурета и развёл руки – Марта, да я опоздал! Твой старший воитель что ли?

Отец и сын, привычные к манерам родственника, прошли по устланному пестрыми полосатыми дорожками полу и сели на небольшую тахту, укрытую темно-бордовым в лоскутах пледом. Лицо Виктора было серьёзным.

Марта недовольно фыркнула на брата, быстро поцеловала своего мужчину, потрепала чёрные космы сына.

– Не обращай внимания, Виктор, – сказала она ласково, – ты же его знаешь.

Тот и на собирался, вместо этого он спросил:

– Что за игру ты затеял с моими сыновьями?

– Собираюсь выяснить их колдовской потенциал, – с готовностью ответил Джереми.

– Они уже показывали, что могут с огнём, – заметил Виктор.

– И что? Ты доволен? Айзек ничего не показал. Зато Дан!..

– Ни к чему повторяться. Я отдам Айзека на обучение Юлиану. Возможно, он лекарь, – сказал Виктор.

Джереми насмешливо закатил глаза.

– Старик из него всю душу вытрясет, опрокинет, макнет в грязную лужу и вернёт обратно. Хорошо будет, если после этого мальчик не замкнется ещё больше. Хотя, он неверно, и не заме-

тит. Не лекарь он! Иначе это проявилось бы. Ты же видел своего брата. В пять он уже кое-что мог. Тем более, – значительно добавил он, – Айзек – сын Марты.

У Виктора было, что возразить, но его опередил черно-лиловый плод ассодра, потом ещё один.

– Айзека нельзя макнуть в лужу, – цедил Дан с мстительно-азартным видом бросая очередную плод, первое, что попало ему под руку.

Марта возмущалась, Виктор хохотал, Джереми стал пятнистым и сердитым. Когда же мальчику под руку попала мурановая бутылка с маслом, отец стал серьёзным и пресек расправу.

– Чтоб тебя жаба укусила, нахалёнок, – возмущался Джереми, утирая лицо плетёной салфеткой не без помощи Марты, – это ты учишь, я знаю, – перекинул он гнев на отца мальчика. За это он получил лёгкий шлепок по макушке от сестры.

Виктор все ещё весело улыбался, глаза его стали от этого ярко-зелеными. Он слегка хлопнул сына по спине и сказал:

– Не бросай в дядю фруктами, они имеют свойство заканчиваться. А жаба это не страшно. Лишь бы не ядовитая.

– А в Пэллане есть ядовитые жабы? – изумился Дан.

– Разве что, в окрестностях, – успокоил Виктор.

– Ох, Дан! – Марта собирала останки фруктов в глиняную чашку без ручки, – отнять бы немного твоего безумия, и отдать Айзеку, было бы идеально.

– Все и так хорошо, – весело заметил Виктор.

Дан соскочил с места и со словами «Пойду, расскажу ему» исчез за дверью.

– Верно ты подметила, – обратился Джереми к сестре, – безумный, как его мамаша.

– Минуточку, – Марта воинственно скомкала фруктовое месиво, между пальцами потекли лиловые струи, – ты хочешь получить дополнительный цвет к уже имеющемуся?

Виктор пресёк конфликт на корню вопросом о замысле Джереми.

Дан миновал несколько простых деревянных домов вдоль утопанной дорожки, этот район негласно называли лекарским, колдуны строили дома из камня, шаманы же жили большими семьями в просторных жилищных. Хотя, с течением времени эти условности всё больше становились незначительными. У самой опушки мальчик снял шнурованные мокасины, оставил их рядом с такими же и ступил в густую траву босыми ногами. В глубине опушки, там, где густой лес справа и река слева уходили в горы, сужая поляну и делая её более тёмной и прохладной, он залез на камень позади Айзека.

– Пойдём посмотришь на цветного дядю Джереми, – весело предложил Дан.

– Не хочу, – буркнул Айзек.

– Он что-то нам покажет.

Молчание.

– Да я и сам могу, – обиделся Дан.

Он согнул руку в локте, совершил пальцами одно короткое движение, что-то пробормотал. Мелькнула едва заметная искра, будто из костра выпрыгнула. Бабочку и небольшой участок земли вокруг неё накрыл прозрачный купол.

– Можешь смотреть сколько угодно, – изрёк Дан.

Айзек усмехнулся.

– Все, хватит. Отпусти её, – попросил он позже.

Купол вмиг исчез.

Айзек выпрямился. Какое-то время братья стояли на камне и смотрели на бабочку. В тишине предлестья пели птицы. С другой стороны, Пэллана доносилось человеческое пение, ровное и успокаивающее.

С гор прилетел лёгкий ветерок. Дан спрыгнул с камня, словно подхваченный этим ветром. Он поймал бабочку и тут же указал в сторону реки.

– Там Доминик, Чезер и прочие. Вот увидишь, никто из них не отнимет у меня бабочку, – он с вызовом сверкнул на брата зелёными глазами.

– Ёру может, – предположил Айзек, не двигаясь с места.

– Ты что! Не веришь мне?! – Дан изобразил обиду и побежал к реке.

Айзек какое-то время стоял, глядя вслед, потом глаза его блеснули любопытством, и он последовал за братом.

Возвращались они перед закатом, грязные, уставшие и не очень весёлые. Только что Дан отделался от Энтони с его просьбами научить колдовать и поспешил за Айзеком, который был чернее тучи.

– Подумаешь, бабочка! – говорил Дан.

– Отстань! – Айзек бросил в брата горсть земли.

– Зато никто её не отнял, – Дан не увернулся от атаки, он пытался остановить брата, – Ну? Завтра другую поймаем.

– Ты не сказал, что убьёшь её, – Айзек оттолкнул его, – конечно, она им мёртвая не нужна. Никому мёртвые не нужны.

– Да, я её убил, – с вызовом отозвался Дан и остановился – а они, может быть, мучали бы её.

– Мне все равно. Отстань.

Айзек хотел дёрнуть за ручку двери с витражом на верхней половине, но в руки ему упала мятая бумага. Он встал под фонарь у двери, который дарил небольшому пространству вокруг себя тусклый узорчатый свет.

– Что это? Дай посмотреть. – Бумага сменила руки, – «Мне надоели твои выходки! Если не боишься, приходи к Каменным Горам. Я оставлю красный флажок, чтобы ты нашёл меня. Поговорим, как взрослые! После заката! Со мной будет брат. Возьми Айзека, будет свидетелем. Если не придёшь, весь Пэллан узнает, что сын Виктора струсил! Мигель».

– Мне не охота, – лениво отозвался Айзек, висая на ручке двери – И вообще, я с тобой больше никуда не пойду.

– Ну-ну, – Дан блеснул глазами и сложил руки на груди, – Если ты не пойдёшь, я пойду один. Отец узнает, что ты знал... —Дальше можно было не продолжать.

Дан выжидал. Он знал, что Айзек никогда не побежит к отцу в подобной ситуации, он промолчит. Но Дан может вернуться поздно и побитый. Тогда-то Виктор все поймёт и огорчатся или рассердится. Только Дан знал, как Айзек не любил видеть отца недовольным.

– Ты подлец, – заключил Айзек, когда оба повернули обратно к опушке, – такой, каким Рики называет дядю Джереми.

– Зато дядя почти самый сильный колдун в Пэллане, – радостно отозвался Дан.

Ночной Пэллан всегда очень тих и почти никогда не холоден. Вдоль вытоптанной дорожки тут и там висели в полуметре над землёй огоньки неправильной сферической формы. Как только дети прошли мимо последнего дома и миновали тот участок пути, где тропинка сужалась и сворачивала к реке, их окутала настоящая пэлланская темнота. И это не смотря на ясные звезды в

небе. Дан движением руки притянул к себе кусочек от висящего в воздухе огонька.

На опушке братья побежали, им хотелось быстрее оказаться у Каменных Гор. Огонёк плавно летел впереди, освещая путь. Они бежали, сбивая ногами невидимые цветки зикраха, распугивая ночных насекомых, которые их поедали.

Айзек начал озираться по сторонам и упал, споткнувшись о что-то. Не обращая внимания на падение, он выпрямился и снова огляделся. Глаза его горели в изумлении, улыбка вылезла и осветила лицо. Мальчик протянул вперёд руку.

Дан, который оказался далеко впереди, остановился, оглянулся. Домов уже не было видно, а его брат стоял посреди поляны и улыбался.

– Что с тобой?

– Красиво, да?

– Темно.

Айзек повернул к брату лицо.

– Светляки. Ты не видишь?

Дан встал рядом, но он ничего не видел.

Однако, вокруг них, по всей опушке летали, словно танцуя или трепеща на ветру белые огоньки. Они кружились в бесконечном движении, рассыпая вокруг себя мельчайшую сияющую пыль. От них исходил свет, с помощью них можно легко ходить в темноте без огня. Айзек вспомнил, как видел старика Юлиана, бродящего по тёмной поляне совершенно без света. Мальчик не задумался, что тогда этих огней не видел. Он повернул голову в сторону Пэлланских домов, там тоже были эти светляки. Дух ребёнка захватывало от этой красоты. Где-то в горле сладко защекотало. Айзек не знал ещё что это те самые «светляки», приходящие с Душами из Высокого Леса. Он так же не знал, что, узнай Юлиан о том, что Айзек видит их, не позволил бы проводить испытание для колдунов. Пэлланский лекарь никогда не может быть колдуном.

– Жаль, что ты не видишь их, – прошептал Айзек, – тебе бы понравилось.

– Я вижу красный флажок, – надулся Дан, косясь в сторону гор, – Пойдём найдём Мигеля.

Айзек перевел взгляд. В нескольких десятках метров виднелся силуэт нижнего камня и красное пятно.

– Нет его там. Что он так тихо сидит что ли? Я не слышу, как он дрожит от страха.

Дан повеселел и приблизился к скалистому ущелью, обросшему травой. Горы в Пэллане больше походили на камни разных размеров и форм, которые воткнул прямо в мягкую землю некий великан. Если перед ними построить стену, невозможно будет поверить, что за ней начинаются горы.

Дан сделал шаг вперёд. Айзек – в сторону.

За дверью с витражом их было восемь. На тахте сосредоточенный Виктор, рядом с ним беспокойная Марта, далее её родители, с виду молодые, но оба с седеющими волосами. На табу-рете сидел приглашенный Джереми друг его Рю как обычно с прохладным выражением лица, лишь на пару пэлланских лет старше друга, но тоже с несколькими седыми прядями на чёрном фоне. Ещё тут был Рики, друг Виктора с решительным и в то же время озорным взглядом. Между Рики и Рю уселся всевидящий Александр. Именно благодаря ему все видели бегущих по траве мальчиков. Со стола были убраны все приборы, а цветочная скатерть Марты заменена на белое, словно струящееся покрывало. На нем раскинулась миниатюрная копия лесной опушки, которая ближе к горам становится более густой и прохладной благодаря Высокому Лесу с одной и реке Голубой с другой стороны. Босые дети бежали, словно ведомые огоньком впереди.

Джереми стоял перед всеми, как лектор перед слушателями.

– Почему ты не позволил им зайти и поесть? – возмущалась на брата Марта, – на голодный желудок ведь не делается.

– Не волнуйся, Марта, – улыбнулся Рики, – Они же дети, с голоду не умрут.

Марта что-то говорила, пристально глядя на картину на столе.

– Надо было и Мию с ними отправить, – заметила мать Марты, – Ведь она колдунья, а не шаман.

Последняя фраза прозвучала полувопросительно.

– Нечего ей там делать, – отозвался Рю.

– И Ёру, – продолжила, будто и не слыша, женщина, – он, конечно, не колдун, – снисходительно, – но есть у него потенциал.

Рики промолчал на удивление холодно. У его сына был сильный потенциал зрителя. А это значит, что ни на какое колдовство разбазаривать силы не следует.

Виктор слушал в пол-уха, он безотрывно смотрел на картину на столе – на то, как его дети бегут почти в полном мраке к границе Пэллана и даже не думают бояться. Сквозь картину он видел холодного и совсем немного беспокойного Рю, который тоже внимательно смотрел на бегущих детей. А сквозь них ненавязчиво наблюдал за Мартой и Джереми, которые уже о чем-то спорили.

Кто-то заметил, что дети остановились. Марта вопрошала, видят ли они красный флажок, который она заметила даже отсюда. Его видели и остальные колдуны, находящиеся здесь. Другие вместо флажка созерцали красный цветок. Что видел Александр, никто не знал.

– Они о чем-то говорят, – воскликнула Марта.

– Жаль, нам не услышать, – посетовал кто-то из старших колдунов.

– К сожалению, мне не дано ещё и слышать. Вам следовало пригласить Рауфа. – Александр посмотрел на Джереми, который сделал вид, что не услышал, отвечая Марте, как обычно в своей манере.

Ему-то все было прекрасно слышно. Джереми урождённый колдун с огромными возможностями, которые не использовал, как многим казалось, напрасно. Он учился шаманству у кого-то из родственников покойной женщины Рю, матери его детей. Никто не верил в успех, а спустя время Джереми и правда бросил учиться, якобы из-за неусидчивости. Чтобы научиться шаманству, нужно иметь сильный дух, уметь концентрироваться и собирать Волю в тугой узел, Волю Воздуха. Не урожденный шаман после длительного обучения, осваивает Волю Воздуха, но управлять даже одним духом не может. У Джереми было два духа на службе. Сейчас благодаря им, он слышал разговор детей, но это осталось его тайной. Такой вот Джереми. Любил тайны, любил знать то, чего не знают другие.

– Суть эксперимента мне ясна, – сказал Рю, вставая почти бесшумно, – а ещё мне ясно, что с этими детьми он бесполезен, потому что их не заставить идти, куда следует. Особенно младшего. – Бабушка и дедушка детей вздохнули, – А теперь мне пора, – Рю в лёгком нетерпении усталился на дверь.

Виктор встал.

Даже если гость был приглашён не хозяином, принят и допущен в дом он был с его позволения. И пока хозяин как-либо не одобрит преждевременной уход, пусть это даже дружеская посиделка, – с ней как раз все проще, – гость не мог уйти. Это было почти формальностью, и соблюдали её в основном шаманы и колдуны. Прочие по гостям не ходили. А к лекарям вламывались без приглашения, и уходили из их дома вместе с ними.

Джереми пронзил Виктора гневным взглядом, он прекрасно знал куда Рю так спешил. И Александр тоже.

И все же он ушёл постигать разочарование.

– Джереми, они разве должны были повернуть? – спросила Марта.

Тот стал сосредоточенным. Пара метров от барьера.

– Пусть идут пока, – сказал он будто сам себе.

Но Виктор решил иначе.

– Рю прав, – сказал он, – и ты сейчас вернёшь их.

– Говорил же, я установил там тонкий барьер, по тому, как они с ним себя поведут многое станет понятно. Может быть, они его почувствовали, потому что идут очень близко от него.

– Хотят обойти? – уточнил его отец, – с реки...

– Со стороны реки никогда не было барьеров, – заметил Рики, – и всем это известно.

- Потому что с той стороны невозможно попасть в Пэллан, – сказал старший колдун.
- На той стороне Лес Обратной.
- Это только название.

Но воители-то знали, что это не так.

– Я установил барьер и на реке. И его не обойти, придётся вернуться в Пэллан, – сказал Джереми.

- Айзек скорее зайдёт в реку, чем вернётся. – Марта прикрыла лицо руками.

– Либо я позволяю тебе все закончить и вернуть их так, чтобы они не догадались, – заключил Виктор, – либо я сам туда иду. На границах сейчас не спокойно.

– Но ничего ведь не происходит, – заметила бабушка мальчиков, – И потом, Дан уже хороший колдун, он сможет постоять...

Она недоговорила. Джереми вскрикнул, оглушенный криком, который никто не слышал. Александр, видевший картину на пару секунд раньше, вопросительно посмотрел на него.

Джереми медленно кивнул будто сам себе, надеясь, что увидит того гада, и проклятие настигнет его.

- Ай! – вскрикнул Дан, – меня жаба укусила.

- Тихо, – сказал Айзек, – смотри, ночные бабочки разлетаются.

– А жабы разве не спят ночью? – изумился Дан, потирая ногу и в припрыжку следуя за братом, – Ты знаешь, я ведь решил идти за тобой, потому что тут река, вдруг ты утонешь.

Айзек засмеялся, бабочки взвились ещё выше, листья зашелестели.

- На той стороне оборотни, – сказал он весело.

– Вот и потому, – сглотнул Дан, – Слушай, мне кажется, со стороны скал что-то есть. Пойдём посмотрим.

Айзек с трудом оторвал взгляд от светляков, кружащих над бурными ручейками, которые немного дальше становились широкой рекой. Вода словно брала свет этих созданий себе и несла вниз по течению до самых пустошных земель.

– А это не Мигель? – поинтересовался Дан и шагнул в сторону невидимого барьера, – ощущение, как на границе, – заметил он, – Надо бы света до...

- Дан! Это не... – Айзек не успел.

Воздух перед Даном лопнул, словно вакуум, глухо ударив по ушам и отшвырнув старшего брата назад. Айзек успел заметить, нечто прозрачно-белое мелькнуло в миг разрыва воздуха, словно ветер упал прямо с неба на землю. Мерзкое ощущение. Он так и возненавидел его на всю жизнь. А ещё светляки. Часть разлетелись, а часть сгорели, как истлевшие угольки. От чего-то Айзек знал, что они умерли. Но если они умерли, то...

- Дан! – он бросился к брату.

На нем не было видимых повреждений, но он метался на траве, кричал и корчился от боли. Айзек закусил губу, сдерживая ком. Он пытался повторять

действия старика Юлиана, но ничего не выходило. Дан не понимал уже, кто перед ним, неизвестная невидимая боль лишала его рассудка. Айзек со злостью ударил по земле, проткнул почву пальцами. Черно-зелёное месиво наполнило ладони. Дан рвал на себе волосы, не в силах бороться. Айзек впал в ярость, в такую ярость, на которую только способен ребёнок в минуту отчаяния, не понимая, как исправить ситуацию.

Он выпрямился, схватив обеими руками горсти земли и при помощи света светляков стал бросать их в незнакомую фигуру, стоящую в нескольких метрах от него. Огонёк Дана погас, неподдерживаемый его волей.

Фигура движением рук пыталась защититься от комьев грязи, но они все летели и летели. А ребёнок злым голосом требовал исправить то, что он сделал с его братом. Фигура не двигалась с места. Здесь не должно было быть детей. Нужно было просто проверить границу, да

и барьер какой-то слабый. Для него эта миссия важна, его мелкая миссия в действительно большом деле, о котором ему ничего не сообщали. Должны ли быть здесь дети? И что с ними делать?

Он вдруг ощутил обжигающую боль на уровне щиколоток. Ребёнок бросил ещё ком земли и пригнувшись за очередным, уже не выпрямился.

– Послушай, – охрипшим голосом сказала фигура.

Айзек теперь злился на себя, что совершенно ничего не может сделать. Он вцепился в сочную траву, будто она помогала ему не упасть. Дан больше не метался, а лежал, дергаясь и бессильно ноя. Наконец Айзек решился и побежал, сразу с полусидячего положения, на незнакомца, намереваясь растерзать его зубами и ногтями.

Но незнакомец вдруг отлетел в сторону, весь воздух на миг вспыхнул огнём и погас. Падая на камень, Айзек заметил, что вместе с огнём погасло некоторое количество светляков. Злость застряла в груди при ударе о камень.

Секунда или вечность? Он вскочил на ноги. Вокруг множество знакомых огоньков – мамини. Дан на руках у отца. Глаза сами закрылись, тело легло на траву, осталась тьма. И голоса.

– Джереми убил его, – голос Рики.

– Как Дан? – это взволнованная мама.

– Успокоился, – отец, – лучше иди к Айзеку.

– Интересно, куда ушёл Джереми? – спросил Рики.

– Пусть подольше будет там, – сказал Виктор, – я собираюсь его убить.

– Это был шаман, судя по состоянию Дана, – заметил Рики, – И потом, Джереми тоже не знал.

– Мне плевать.

– Ты сам согласился на это.

– Мне плевать, – он медленно пошёл в сторону дома, – Их слишком много, а я один.

Проклятые колдуны.

Рики оглянулся на Марту, которая не могла уговорить Айзека пойти домой, и остановился в растерянности.

– Оставь, – ответил на это Виктор, не поворачиваясь, – силой будет только хуже. Пусть лучше Марта уговорит его, у нее обычно получается.

– Я тут полежу.

– Тут опасно, сам видел!

– Уже нет.

– Просто от усталости ты не все видишь.

– Я не могу встать.

– Можешь, сыночек! Только что ты стоял.

– Нет.

– Ты просто не хочешь.

– Не хочу.

– Хорошо, полежи тут, а я с тобой посижу, – Марта нежно гладила чёрные волосы сына.

– Это был шаман? Я слышал.

– Да.

– Ненавижу шаманов, – решил Айзек.

– Ноги... У него обожжены ноги, – бормотал в стороне голос Джереми.

– Тебя сейчас именно это волнует? – спросила Марта, с трудом сдерживая себя, – ты на него напал, значит это твоих рук дело!

– Если бы это был я, он бы остался без ног прежде, чем сгореть полностью, – он посмотрел на Айзека потом на уходящих мужчин с ребёнком на руках.

– Лучше не иди туда, Виктор очень зол. Я – тоже, но ты мне брат. А вот его ничто не держит.

– Они пойдут к Юлиану? – спросил Айзек.

– То, что с Даном, может исправить только шаман. «Разве что старик не научился шаманить», – назидательно сообщил Джереми.

– Тогда исправь, —сказал Айзек.

Марта уставилась на брата, Джереми забыл, что надо дышать.

– Сынок, дядя ведь так ничему и не научился, —неуверенно сказала Марта.

– И вообще, я колдун, – буркнул тот.

– Исправь, – игнорируя реплики, повторил Айзек, – и тогда останешься жив.

МЕТКА

Зыбин Илья

Живой лес дышал и сиял яркими лучами, пробивающимися сквозь густые кроны зеленой листвы. Трава бережно обнимала грубые бурые стволы и скрывала в своей гуще редкие грибы. Пеньки птиц, скрывающихся среди ветвей, задавало тон всему чудному месту, обеспечивала всему лесу единую неповторимую композицию, улаживающую слух. Все мерно качалось, послушно следуя дуновению теплого ветра.

Внезапно где-то в кустах раздался резкий, громкий хлопок. С ближайших деревьев в испуге слетели птицы, прервав свой ансамбль, а из кустов выскочил шокированный заяц. Немое молчание упало на лесное пространство, и, будто бы остановилось время, все живое замерло в тревожном ожидании. Пару мгновений – и заросли черники затряслись, затрепетали и в конце концов разошлись в стороны, пропуская брюнета с темной остроугольной бородкой и расцарапанным лицом, одетым в темно-серый дублет, исполосованный темной кожей ремней от мелких сумок. Станный человек тяжело дышал, очевидно, что после изнурительной погони, и держался за левую руку, на плече которой красовался широкий ожог, выглядывающий сквозь зияющую дыру в ткани. Глаза незнакомца забегали по сторонам, и, убедившись, что «хвоста» не осталось, он утомленно привалился спиной к дубу. Здоровой рукой, пальцы которой краснели следами прижатой кожи у раны, дрожа достал из сумки стеклянный фиал с изумрудной жидкостью, отсвечивающий на свету яркими бликами. Неуклюже вытащил пробку зубами и выплюнул в сторону, жадно, чуть не захлебываясь, прильнул губами и выпил содержимое. Необъяснимая энергия протекла по телу, растеклась по пищеводу и проникла в каждую клетку. Лицо тут же перекосило, а человек застонал от отвращения, строя гримасы, но тут же он почувствовал облегчение от того, что голова перестала жутко кружиться, а взгляд стал четким и осмысленным. Посидев еще с минуту, восстановив силы, незнакомец ухмыльнулся, встал на ноги, отряхнулся и довольно похлопал ладонью по кожаной сумке на поясе, ломившейся от какого-то груза. «Бывало и хуже.» – подумал он и начал постепенно соображать, где он находится и что ему делать дальше. Только сейчас незнакомец снова вспомнил о надоедливой метке, красующейся на правой руке. Клеймо в виде нечитаемого символа, нестерпимой болью вспыхнувшее на коже в момент перемещения, дало о себе знать слабым дискомфортом, которое теперь без остановки терзало хозяина. Теперь только найти более безопасное место – и разобраться с ней раз и навсегда.

Пара минувших кустов – и человек оказался на поляне, которая встретила его кое-чем неожиданным. На ковче низкой травки, освещаемой Солнцем, лежал истекший кровью тру кабана с торчащей из шеи стрелы. Снаряд попал как нельзя лучше, раздробив позвонок и пронзив артерию почившему борову. И не успел парень оценить ситуацию, до него донесся человеческий голос:

– Стоять!

Он остановился, подняв руки, и медленно перевел взгляд на приказывающего. В конце поляны стоял фигуристый юноша с крепкими чертами лица и «орлиными» глазами. Руки его уже были заняты длинным луком, а острие стрелы уже угрожающе смотрело на голову клейменного.

– Кто таков? Я тебя не знаю. – голос юноши был серьезен и недружелюбен, очевидно, что на дружескую беседу он был не настроен.

– Я... я – путешественник! Мне нужна помощь! Я ранен. – человек указал на плечо, рана на котором уже успела порядком зарости.

– Назовись.

– Я... э.. мое имя – Генри. Я не здешний, не отсюда.

– Что с тобой произошло, Генри?

– Попал в лапы к сектантам. Они... клеймят людей, неверных. Вот! – Генри показал на свою печать, без остановки зудящую.

Юноша призадумался на несколько секунд и снова грозно уставился на незнакомца.

– У нас в округе бродят разбойники, но нет никаких сектантов. И ты как раз очень сильно смахиваешь на бандита, дружок. Пройдешь со мной к городу, там все и расскажешь. Руки вперед, и не дергайся.

Молодой охотник убрал лук, не спуская глаз с Генри, и достал с пояса лассо, которым, по-видимому, надеялся притащить тушу мелкого кабана домой, пошел навстречу подозрительной личности.

– Эй, ты серьезно? – возмутился Генри, вытянув руки и попытавшись вразумить охотника, – ведь я ничего не совершил! Мне помощь нужна, а ты меня собрался в клетку посадить?

– Незнакомцам нет доверия. Тем более тем, которые несут чушь про несуществующих сектантов. Руки перед собой!

– Но это безумие!

Генри стоял, понимая, что все идет не по его планам, а юноша подошел почти вплотную.

– Ну... уж нет! Алорос!

Из рук Генри внезапно вылетела сильнейшая волна воздуха. Порыв отбросил шокированного охотника назад, опрокинув на спину. Незнамец, явивший свои необычные способности, горько вскрикнул, схватившись за руку, которая загорелась клеймом. С ошпаренной кожи пошел пар, а вокруг печати образовалась бурая корочка. Опомившись от боли, мужчина бросился с поляны в кусты, рванул по еле заметной тропе, постепенно текущую вниз с холма. Генри неслся, не отзываясь на призывы юноши, догоняющего сзади. Ноги несли мужчину по склону, и он бы уже не смог остановиться даже если бы захотел – скорость от бега по наклонной и адреналин в крови вынуждали его продолжать стремительное движение. Но...

Прямо перед крутым спуском Генри пронесся меж двух деревьев, совершенно не заметив притаившуюся в траве ловушку: веревка, затянутая в петлю и предназначенная, очевидно, для кабана, не добравшегося до главного сюрприза, все же пришлась очень кстати. Генри вступил в западню и потянул ногу на всей скорости, затянув узел. Тело улетело дальше, но нога осталась на месте, и в итоге мужчина сначала ощутил боль в ноге, беспомощно зависнувшей, потом на мгновение повис в воздухе и рухнул головой об землю. От удара сознание Генри покинуло хозяина, и тот отключился.

Первое, что ощутил Генри после забвения – было чувство холода и сырости. Потом почувствовал жжение метки. Открыв глаза, он понял, что находится в небольшой камере, а за решеткой красовался тесаный стол и стул. На столе лежали какие-то бумаги, стояла потухшая свеча, а на стене сверху висел незажженный факел. Генри ощупал себя и понял, что все его сумки пропали, и вместе с ними – все имущество, находившееся внутри. Но рассуждать над пропажей долго не пришлось – оно само к нему вернулось.

В помещение, светя факелом, вошел усатый мужчина, одетый в ровную и статную форму и держащий что-то за пазухой. Он неприязненно взглянул на заключенного и прошел к столу, вывалил на деревянную поверхность толстую книгу с множеством закладок и странным символом на обложке. Он зажег факел на стене, потушил свой, уселся на стул и медленно повернулся к Генри.

– Так это ты тот самый разбойничка, который попался как свинья, драпая со всех ног? Жалкая история.

Густой и очень взрослый голос жандарма разносился по комнате. На его лысине сверкал блик, отражаясь от пламени, а черты крепкого и стойкого лица, оскорбленные старческими морщинами, подрагивали, то и дело погружаясь в тень под неровным светом огня.

– Я – не разбойник. Выслушайте меня!

– Не разбойник? – шериф усмехнулся – Одет как разбойник. Ведешь себя как разбойник. Врешь. Убегаешь. И наконец, – мужик похлопал рукой по книге, – вот. Что это?

– Это моя книга. – Твердо заявил Генри.

– Не сомневаюсь. – шериф тянул слова, придавая своему голосу несколько издевательские нотки. Он будто бы медленно шел по звеньям логической цепочки, стремительно добываясь до истины и личности преступника. – Книга твоя, это точно. На ней тот же рисунок, что и у тебя на руке. Вот только...

Он раскрыл случайную страницу. Все было изрисовано причудливыми знаками, схемами и формами, но самое странное – исписано непонятными, незнакомыми символами. Буквы виделись нечитаемыми закорючками, которые не было возможности разобрать. Желтые страницы, вырванные или посторонние листы были вложены то тут, то там.

– Как я должен это понимать?

– Это древний фолиант, который вам не нужно трогать. Отдайте его мне, и я быстро уйду.

– Что? – Шериф расхохотался. – Нет, наглец, ты никуда не уйдешь. Ты появляешься в лесу с какой-то книгой, оказываешь сопротивление, и теперь так хочешь вернуть то, что даже невозможно прочитать. На этом языке не общаются наши дружественные соседи. Но зато могут общаться враги!

– Это не так! Я не шпион! Клянусь чем угодно!

– К чему мне клятвы? Мне нужна информация. Кто тебя прислал и зачем. И что написано в этих письменах. Расскажешь сам?

– Мне нечего вам рассказать! Выпустите!

– Как и всегда. Ну что же, я развяжу тебе язык.

Шериф вскочил со стула и направился к камере.

– Стойте! Стойте! Я расскажу, что со мной было!

Мужик остановился, вернулся к стулу и сел обратно.

– Хмм... молодец. Так-то лучше. Говори. И советую выкладывать правду.

– Я – маг. Моя страна – Задорния, которая находится в другом измерении. Я был осужден Советом за преступление, которого не совершал, и получил эту метку. Теперь мне недоступны серьезные заклинания, а когда я использую магию, я чувствую сильнейшую боль, и чувствую ее даже просто от того, что во мне течет кровь, пропитанная Маной. В этой книге – заклинание, которое поможет мне снять метку и освободиться. Она написано на древнем языке, который выучил специально для этого. Я пытался выкрасть ее из библиотеки, но попался, и во время погони использовал заклинание перемещения, вычитанную в одной из других книжек. И попал сюда. Просто дайте мне убрать метку, и я скроюсь в портале. Вы больше меня никогда не увидите и не услышите. Слышите меня? Ну?

Генри умоляюще глядел на шерифа. Тот же в свою очередь смотрел на заключенного с очень странным выражением лица и слушал историю. Наконец, после недолгого молчания:

– Видит Бог, сынок, я давал тебе шанс.

Шериф в бешенстве опрокинул книгу на землю, отчего она раскрылась и упала страницами вниз, отдельные листы рассыпались по земле. Рыком он провернул длинный ключ в скважине, дернул дверь и ворвался в камеру. Жандарм схватил Генри за волосы и с силой ударил об решетку. Тот вскрикнул и попытался вырваться, но стальная хватка не оставляла шансов. Генри получил удар по внутреннему сгибу колена и завалился на одну ногу. Он попытался развернуться, но тут же получил удар прямо в лицо. Генри отбросило в другую сторону, и он почти рухнул на землю, успев лишь опереться руками.

– Ты мне сейчас все выложишь, волшебник хренов!

Принимая удары и тщетно пытаюсь закрыться, Генри зацепился диким взглядом за листок, лежащий по ту сторону решетки. Он кое-как, теряясь от боли, прочитал одну единственную надпись, написанную крупно и жирно, и ошалел.

– Амос...

Генри получил удар прямо в зубы. Они окрасились в красный, по рту пошли кровавые подтеки.

– Амос Дигерос...

Удар под дых. Стало трудно дышать, Генри начал жадно глотать воздух.

Шериф остановился. Утирая испачканные костяшки, он спросил у лежащего заключенного:

– Ну? Как твой язык? Я тебе его не отбил? Колись, ублюдок.

– Да... да... – Генри пытался отдышаться, держась за ноющую грудь.

– ... А-амос... Дигерос... Зален Мудра.

Шериф усмехнулся.

– Ты просто необучаем. Ну ничего. Правду мы найдем любыми метода... а-а-а-А-А-А-А!!!

Шерифа откинуло назад волной пламени, охватившего камеру. Его лицо и руки моментально вздулись, а одежда запылала. Генри медленно поднялся, окровавленный, сжимая кулак, объятый огнем. В пламени ярко сгорела и исчезла злополучная метка.

– Ну я ведь просил, – через боль заговорил Генри с вывихнутой челюстью, – всего одно заклинание...

Шериф кричал от боли жгущих ожогов и лопающихся пузырей кожи. Он катался по земле в агонии, пытаясь хоть что-то поделать с нестерпимыми мучениями. Маг поглядел на него, как на червя.

– Мое имя – Гелиос. Пусть это будет последнее, что ты услышишь.

Генри вышел из камеры и закрыл дверь на ключ, оставив внутри шерифа. Подобрал книгу и бегло пролистал.

– Мусор.

Рука Генри зажглась огнем, пламя объяло письма, а книга обуглилась на глазах. Теперь нечему было остановить безграничную силу, пылающую внутри мага, объятая гневом. Гелиос бросил тлеющую бумагу на пол и медленно, прихрамывая, удалился прочь.

Сожженный город остался в памяти людей надолго, но не навсегда. «Такое бывает», «Пламя распространилось, не потушили», «Междоусобица случилась, пожгли друг друга» – так начали говорить спустя время, пытаясь объяснить произошедшее. В конце концов всем наскучило искать причины, и даже сумасшедшие теории о том, что на город обрушился гнев Божий или пришел злобный колдун, наведший пожар, перестали быть смешными. Толпа быстро забывает такое, ведь забот немало и без этого.

Зато люди помнят до сих пор почтенного графа, который явился буквально из ниоткуда. Объявившись в крупном городе, он, нарекшись иностранным благородным дворянином, очень быстро занял высокий пост, взял чин и продвинулся по службе. Говорили, одного взмаха его руки или щелчка пальцами хватало в диалоге, чтобы собеседники моментально нашли общий язык. Такую выскочку заметил и сам король, и вскоре граф Гелиос стал придворным советником. Король вскоре и думать не мог, чтобы принимать решения, не посоветовавшись с ним лично. А гений его был столь велик, что Его Величество всегда прислушивался к мнению Гелиоса безукоризненно.

Дальнейшая судьба королевства пока неизвестна, но, обратившись к архивам Задорнии, можно восстановить криминальные события, происходившие ранее.

Из восстановленных архивов Совета:

Гелиос Форис – талантливый маг и телепат, выдающийся алхимик и зельевар, устроил массовый погром в родном городе после отказа принять амбициозного таланта в Совет Магов. Общими усилиями был побежден и подвергнут суду. Получил сдерживающую метку:

* Теперь использование сильных и затратных заклинаний может полностью истощить запас Маны в организме, что приведет к смерти

* Убийство живого существа с помощью магии приводит к мгновенной смерти

* Любое использование магии доставляет заклинателю боль

* Метка терзает носителя постоянно в наказание за свершенное преступление и за отнятые жизни.

Спустя несколько месяцев реабилитации и просвещения, Гелиос совершил преступное проникновение в библиотеку и добрался к древним писаниям. Обнаружил фолиант, в котором подробно описана история создания проклятой метки и ее природы. Кроме того, там же ознакомился со знанием перемещений между мирами. Попытался бежать, но был замечен. В ходе погони был ранен в плечо. Когда был загнан в угол, успел раскрыть портал и скрыться. Больше в Задорнии замечен не был. Включен в список Темнейших магов и врагов страны, деятельность которого привела к утрате древней реликвии и десятков жизней. Предположительно мертв от истощения.

ЗАГОНЩИК ИЗ ДУБЛИНА

Калашник Максим

Если вы найдете мою маму, передайте ей эту музыкальную шкатулку.

...Она играет любимые папины мелодии.

Дочь Гаскойна, BloodBorne

* * *

Не представлял, что увижу такое. Приехал по службе в Лондон, а вляпался в приключения и не знаю, что думать. Схожу с ума... Стою на Трафальгарской площади*, стреляю в валяющийся на земле труп и не могу остановиться.

«Пыц.. пыц!».. – выстрелы моего Велрода* с глушителем продолжают. Враг давно мертв, но я не перестаю жать на курок. Как попал в такую ситуацию? Вернемся к началу. Меня зовут Доран Хьюз, детектив из Дублина.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН

Доран отправился на пароме из Ирландии в Англию. Весь путь этот рыжеволосый человек, в клетчатом зеленом пиджаке, просидел в баре, заказывал лишь Харрогейт*. После звука колокола, детектив поднялся на палубу. На горизонте уже виднелись белые скалы Великобритании. Паром прибывал в порт Холихед*.

«Вот бы я угодил во временную петлю, плавал так каждый день, без забот и других людей со своими проблемами, рассматривая лишь пролив и бар» – вздохнул ирландец, зная, что наивные мысли переходят в отдел сознания несбыточной мечты.

Детектив не особо спеша, двинулся к толпе, скопившейся на выходе к пристани.

До Лондона еще было 272 мили на попутке. Дальнобойщик Дэвид терпел выходки Хьюза всю дорогу. Доран интенсивно щелкал радио или включал кондиционер, но водитель не задавал вопросов. Детектив отвалил прилично фунтов, дав понять, что с ним будет непросто. Поэтому приходилось терпеть его общество, притворяясь, что так веселее. Правда, Дорану весело не было. Он страдал тяжелой формой СНД* и повторял одни и те же подввернувшиеся действия до безумия во время приступов. Если жизнь ему это портило, то в карьере детектива пригодились. Ирландец порой дотошно изучал одни и те же материалы.

Дэвид высадил детектива в южном Кентоне.* Доран из-за своего недуга хотел было залезть обратно в кабину, чтобы потом снова выйти. Это могло затянуться надолго, но дальнобойщик смекнул, что к чему и резко газанул, не оставив Хьюзу выбора. Постояв, перезагрузившись, детектив отошел от приступа и приблизился к красной телефонной будке. Набрав шефа полиции, получил указание направляться в парк Килберна*.

Спустившись в метро, Хьюз прошел по проезднему через турникет, затем перепрыгнул обратно и снова приложил карту. Он делал так еще много раз, пока его не проводили до эскалатора охранники.

Прибыв на место убийства в Килберн, Доран изучал растерзанные трупы девушек в парке. Полиция была в недоумении, так как следы были лишь человеческие, а на убитых будто напало животное. Свидетелей не было, да и туман такой, что не видать ничего вокруг. На опознание одной из жертв, пришла девятилетняя девочка Берти. Она плакала из-за смерти мамы и попросила Хьюза найти отца, который так же пропал несколько дней назад. Берти отдала детективу шкатулку, которую подарил ей папа. Внутри было семейное фото.

Пока детектив общался с полицейскими, неподалеку практиковал боевые искусства странный мужчина. Он был в синем кимоно и фиолетовом цилиндре. На носу блестели очки. Поймав взгляд Дорана, он прекратил действия, и, улыбнувшись, помахал детективу. Хьюз отвел взгляд и решил не обращать внимания.

Ирландец, закончив под приступом дотошное изучение личностей жертв, отправился к тем, кто знал убитых. Он опрашивал близких погибших по всему городу, показывал фото Берти с родителями многим, но информации было не густо. Ирландец узнал лишь, что мама девушки изменяла отцу, как и другие жертвы, своим мужьям. Маму Берти с потрохами выдали подруги с работы, впрочем, других родственники и знакомые так же особо не покрывали. Почему они так поступили, Дорану было наплевать, но то, что дело в первый же день нарастило связь убийств, для мотива, было уже не так плохо.

Ночью на Трафальгарской площади, объятой плотным туманом, детектив решил отдохнуть после насыщенного дня на лавочке. Детектив в очередной раз открыл шкатулку и решил ее завезти. Заиграла твинкл литл стар.*

Раздался рев, и пришло «оно». Кожа человеческая, но морда вытянута, когти, словно кинжалы. Тварь схватила детектива и хотела растерзать, но отвлеклась на фото, которое выпало из шкатулки. Зверь приглядевшись, успокоился и заскулил. Воспользовавшись шансом, Хьюз достал свой Велрод и выстрелил в чудовище. Начался приступ СНД и возможно он был даже кстати. Детектив, не переставая стрелял в оборотня.

Жалко было патроны, но ирландец не мог остановиться, хоть и хотел этого.

Из тумана появился тот самый человек в кимоно. Он приближался в боевом танце. Движения были плавные и завораживающие.

– Меня зовут Валрис*. Я вижу, ты неплохо освоился в Туманном Альбионе в первый же день.

Рука незнакомца дотронулась до плеча ирландца. Мужчина в фиолетовом цилиндре улыбнулся. Приступ как рукой сняло. Доран не знал, было ли это заслугой организма или Валриса, но выстрелы прекратились.

– Хьюз! Вот визитка. Жду тебя в нашем клубе. Я бы с тобой еще поболтал, но меня ждет маленький Джек Николсон*.

Человек в кимоно исчез в тумане так же внезапно, как и появился, а недоумевающий детектив прочитал надпись на карточке:

« Клуб Дойль». Ниже номер телефона и адрес.

Мертвое чудовище уже приобрело человеческую форму. Обратном оказался пропавший отец девочки. Детективу хоть и не рекомендовали пить из-за приступов снд, но после всего пережитого этим вечером, Доран решил нарушить это правило.

* * *

Берти проснулась с утра и в почтовом ящике нашла шкатулку, фотографию и очередной вызов на опознание трупа.

Сноски:

Трафальгáрская плóщадь (англ. Trafalgar Square) – площадь в центре Лондона, где на месте Чарингского Креста (Чаринг-Кросс) сходятся три первостепенные улицы Вестминстера – Стрэнд, Уайтхолл и Мэлл.

Welrod (Вéлрод) – бесшумный магазинный пистолет с ручной перезарядкой, разработанный в 1942 г. в Великобритании для вооружения спецслужб.

Harrogate (Харрогейт) – минеральная вода, разливаемая прямо из источника. Британские традиции и качество, а так же низкое содержание нитратов и нитритов.

Хóблихед – валлийский портовый город на небольшом острове Холи-Айленд, что лежит к западу от острова Англси и отделён от последнего узким проливом.

СНД (Синдром навязчивых движений) – Неврологическое нарушение, являющееся проявлением обсессивно-компульсивного расстройства, при котором больные стремятся к совершению однотипных повторяющихся действий.

South Kenton station (Южный Кентон) – железнодорожная станция в Лондоне.

Килберн (Kilburn) – территория на северо-западе Лондона, на стыке городских округов Brent, Camden и Westminster. На юго-востоке граничит с Марилебоном, на юго-западе – с Ноттинг-Хиллом, на востоке – с Белсайз-Парком, на западе – с Куинс-Парком.

«Twinkle, Twinkle, Little Star» – английская колыбельная. Её текст восходит к стихотворению «The Star»

Валрис – cameo лидера сообщества У МЕНЯ РОМАН С...

Маленький Джек Николсон – самый важный человек в жизни Валриса.

Загонщик из Дублина Калашник Максим

Добрый охотник, возможно, это прозвучит странно, но... Я как-то изменилась? Только что откуда-то, возможно, глубоко изнутри я почувствовала, что освобождаюсь от тяжких оков. Не то чтобы я знала... Как странно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.